

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 70–86.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):70–86.

Научная статья
УДК 821.161.1-32.09«19»
DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.008

«Бобыль и Дружок» С. А. Есенина: главный герой как социальный тип (к вопросу об исторических особенностях фольклоризма писателя)

Елена Александровна Самоделова
Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия
helsa@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается во внимании к бобылю как исчезнувшему социальному типу; обычно лексема понимается в переносном смысле, превалирующем ко времени написания рассказа Есенина, условно датированного 1915 годом. Цель статьи — анализ данных словарей и энциклопедий, исторических и этнографических монографий, географических и религиозных справочников, школьных учебников и хрестоматий, научных статей, произведений художественной литературы XIX–XX веков, русских народных сказок на предмет выявления разных трактовок образа бобыля. Сопоставляются тексты о бобыле С. В. Максимова, И. Г. Прыжова, Д. В. Григоровича, И. С. Никитина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Толстого, Е. В. Честнякова и др. Этот персонаж, выведенный в заглавии рассказа Есенина, впервые является предметом историко-филологического анализа. В результате исследования получены выводы о «бобыле» как о термине-историзме, заинтересовавшем Есенина именно из-за его экзотичности и характерности для Средневековья; этот тип в прошлом встречался на «малой родине» поэта, в соседнем селе, ставшем волостным центром. Это позволило Есенину использовать образ бобыля во вневременном контексте, обычно характерном для фольклорных сказок. Получается, что Бобыль оказался главным элементом фольклоризма Есенина и задает вектор изучения жанровой многозначности произведения, обозначенного рассказом в подзаголовке, но тяготеющего к литературной сказке. Также бобыль (написанный со строчной буквы) упомянут в составе отрицательного сравнения в повести «Яр» Есенина, созданной в том же 1915 году; в остальных произведениях этот персонаж не встречается. Следовательно, он характерен для раннего периода творчества писателя и включен в контекст сельской жизни, глубоко прочувствованной Есениным в детстве и юности в Рязанской губернии и перенесенной в трансформированном виде в художественную прозу.

Ключевые слова: «Бобыль и Дружок», повесть «Яр», село Кузьминское Рязанского уезда, социальный тип, фольклоризм Есенина.

Для цитирования: Самоделова Е. А. «Бобыль и Дружок» С. А. Есенина: главный герой как социальный тип (к вопросу об исторических особенностях фольклоризма писателя) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 70–86. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.008.

Original article

***Bobyl and Druzhok* by S. A. Yesenin:
the main character as a social type
(issues of historical specifics of the writer's folklorism)**

Elena A. Samodelova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
helsa@rambler.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the attention to the bobyl (a poor peasant) as a disappearing social type. This word is usually understood in a figurative sense, which prevailed at the time of writing Yesenin's story, tentatively dated 1915. The purpose of the article is to analyze data from dictionaries and encyclopedias, historical and ethnographic monographs, geographical and religious books, school textbooks and anthologies, research articles, works of fiction of the 19th–20th centuries, and Russian folk tales in order to identify different interpretations of the image of the bobyl. The texts about bobyl peasants were written by S. V. Maximov, I. G. Pryzhov, D. V. Grigorovich, I. S. Nikitin, M. Ye. Saltykov-Shchedrin, A. N. Tolstoy, E. V. Chestnyakov and other authors. The paper looks at this titular character of Yesenin's short story, and this type of person for the first time becomes a subject of historical and philological analysis. As a result of the study, conclusions are drawn about "bobyl" as a historicism. Yesenin was interested in this because it had been a phenomenon of the Russian Middle Ages. In the past, such peasants were to be found in the poet's native place, in a neighboring village that then became a volost center. This allowed Yesenin to use his image of Bobyl in a timeless context, typical of traditional folk tales. Thus Bobyl turns out to be the main element of Yesenin's folklorism and sets a vector for studying the complex genre of the work (named a story in the subtitle), but showing features of a literary fairy tale. Also, his Bobyl (written with a lowercase letter) is mentioned as part of a negative comparison in another story, Yar, written in the same 1915. This character never appears in Yesenin's other works. Consequently, it is characteristic of the early period of the writer's work and is rooted in the context of rural life, deeply felt by Yesenin in childhood and youth in the Ryazan Province and transferred into this piece of fiction.

Keywords: *Bobyl and Druzhok*, the story *Yar*, Kuzminskoye village in Ryazan District, social type, Yesenin's folklorism.

For citation: Samodelova E. A. *Bobyl and Druzhok* by S. A. Yesenin: the main character as a social type (issues of historical specifics of the writer's folklorism). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):70–86. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.008.

Введение

О современном и историческом смыслах лексемы «бобыль»

Есенин выбрал редкое обозначение заглавного героя — Бобыль. Необходимо прокомментировать значение этого слова (точнее — не имени собственного, а нарицательного), поскольку оно исторически менялось и имело разные оттенки в зависимости от региона бытования, но современные исследователи (и читатели) склонны упрощать его. Учитель Л. М. Юзефович (Радионова) привела трактовку из словаря Ожегова: «Бобыль (устар.) — безземельный, одинокий крестьянин-бедняк. Перен.: жить бобылем одиноко, без родных» [Юзефович (Радионова), 2013]; ее поддержала Е. В. Логачева [Ожегов, Шведова, 2006, с. 52 ; Логачева, 2017, с. 27]. Однако в случае с «бобылем» его толкование С. И. Ожеговым нельзя признать репрезентативным, поскольку оно довольно расплывчато, совмещает разные основополагающие принципы, да и словарь (1-е издание — 1949 года) создан гораздо позднее рассказа Есенина и отражает более современное, можно сказать — «модернизированное» понимание этого слова народом. Показательно, что С. И. Ожегов определил слово как устаревшее, снабдил соответствующей пометой и очень аккуратно объяснил лексический смысл «бобыля»: «одинокий» может означать как 'бессемейного человека', так и 'живущего со своим семейством отдельно от остального крестьянского коллектива (сельской общины)', причем последнее значение поставлено первым, основным в словаре.

Может быть, и при Есенине уже существовало подобное восприятие понятия «бобыль», когда переносный смысл стал превалировать над первостепенным. У писателя зачин произведения «Жил на краю деревни старый Бобыль» вполне допускает трактовку персонажа именно как ведущего свою жизнь по иным правилам (хотя и вынужденным, обусловленным бедностью, почти нищетой). Исследователи же приводят текстуальные доводы в пользу переносного значения: «Бобылем старика назвали именно потому, что он жил один. Назвали люди. Дали ему *прозвище, то есть кличку*» (курсив оригинала. – Е. С.) [Юзефович (Радионова), 2013]; «<...> у этого человека есть свое собственное имя, но за его бессемейную жизнь люди прозвали его Бобылем» [Логачева, 2017, с. 27]. Далее Л. М. Юзефович (Радионова) развивает мысль о многообразии подтекстов, заложенных Есениным в кратких описаниях того, как относились остальные крестьяне к Бобылю: «Ты бы бросил, Бобыль, свою собаку, самому ведь кормиться нечем..» — советуют «люди»; «Взяли люди мертвеца, убрали, обмыли, — в гроб положили <...>. Понесли мертвого в церковь <...>» [Есенин, 1997, т. 5, с. 157, 159]. Эти сообщенные как бы между строк смыслы ощущаются читателями (в том числе детьми) до сих пор. Может быть, «односельчане жалели его, ведь одному легче прокормиться»; они пришли навестить старика, нашли его мертвым и похоронили по христианскому обычаю; но вероятно и другое, что «люди» не поняли сути дружбы обездоленного человека с собакой, после его кончины «никто не накормил ее, не приласкал, не заглянул ласково в глаза» [Юзефович (Радионова), 2013].

Мы же вслед за С. И. Ожеговым считаем слово «бобыль» историзмом, вокруг которого сложилось неоднозначное и противоречивое, исторически изменчивое семантическое поле, позволяющее предложить еще одну возможную трактовку глубокого психологизма человеческих взаимоотношений в рассказе Есенина. В произведении Есенина заложены предпосылки такого понимания социального типа главного героя: в отличие от крестьян, он не занимается сельским хозяйством, промышляет сбором подаяния, проживает на отшибе селения: «Жил на краю деревни старый Бобыль. <...> Ходил он по миру, собирал куски хлеба, так и кормился» [Есенин, 1997, т. 5, с. 157].

Задача данной статьи — найти исторические смыслы понятия «бобыль», видоизменяющиеся со временем, характерные для разных эпох, и показать обширный спектр прямых и переносных значений лексемы, известной на момент написания Есениным «Бобыля и Дружка», попытаться постичь творческий замысел писателя. Инструментом решения задачи является обращение к энциклопедиям и словарям разного уровня, к историческим и этнографическим монографиям и статьям, к литературным произведениям предшественников и современников Есенина.

Основная часть

Причины и история обращения Есенина к разным историческим типам

Есенин мог заинтересоваться бобылем как историческим типажом именно из-за его редкости даже в период своего активного бытования и исчезновения из социальной среды ко времени написания рассказа. Поэт использовал в своем творчестве подобные историзмы: калики («Калики», 1910), рекрута («По селу тропинкой кривенькой...», 1914) и др. Есенин обращал внимание на исчезнувшие социальные термины — это видно и по его письму к А. Б. Мариенгофу 9 июля 1922 года из Остенде с упоминанием «смерда»: «<...> ну ее к черту, красоту смерти и смерда — мне, живому, пусть это будет даже рразз-гениально-о!» [Есенин, 1997, т. 6, с. 143, № 123]. Эти примеры обращения писателя в художественных и эпистолярных произведениях к историческому прошлому — яркое свидетельство авторского мышления в русле историзма как ведущей линии русской литературы.

Бобыль фигурировал в ряде фольклорных произведений и литературных сочинений писателей — предшественников и современников, что было известно Есенину (об этом ниже).

Когда Есенин обучался в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 годах, он должен был читать 4-томный труд священника Иоанна Добролюбова «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками из настоятелей за XVI, XVII и XIX ст. и библиографическими указаниями» [Добролюбов, 1884–1891]. Ученик школы К. С. Марушкин вспоминал, что в школь-

ной библиотеке «имелось много и церковной литературы» [Летопись жизни и творчества С. А. Есенина, 2003, т. 1, с. 112]. Иоанн Добролюбов при многих описаниях церквей, монастырей и селений приводил цитаты из давних рукописей с упоминаниями бобылей и бобыльских дворов. Например, при описании села Песочня Дашкова Рязанского уезда, отстоявшего тогда на две версты от Рязани, помимо дворов священника, дьячка, пономаря, помещиков, приказчиков, людских и келий для проживания нищих, указаны со ссылкой на Окладную книгу 1676 года «крестьянских тринадцать дворов да бобыльских три двора» [Там же, 1884, т. 1, с. 56, 57]. «Двор бобыльской» был в сельце Ханбышево в 6 верстах от Рязани, он упомянут в Книге приправочной 1597–1598 годов [Там же, с. 59]. В селе Лысцево («Шипилово тож») с Флоро-Лаврской церковью в 25 верстах от Рязани в 1639 году, по данным Приправочной и Окладной книг, «было 7 дв<оров> помещиков, 5 дв<оров> крестьянских, дв<ор> бобыльской» [Там же, с. 73]. В селе Каменец в 15 верстах от Рязани, согласно Приправочной и Окладной книгам 1597–1598 годов, имелось «4 дв<ора> бобыльских» [Там же, с. 80]. В селе Никольское в 10 верстах от Рязани в 1676 году с приписанными 8 деревнями было «4 дв<ора> бобыльских» [Там же, с. 94]. В селе Никуличи (Микуличи) на реке Лыбеди в 3 верстах от Рязани в 1597 году было «2 дв<ора> бобыльских» [Там же, с. 95]. Перечень сел с наличием там бобылей в конце XVI–XVII веке можно продолжить, хотя у Добролюбова приведены данные не ко всем населенным пунктам (очевидно, к некоторой части их изначально не было).

Некоторые отмеченные в томах И. Добролюбова селения могли привлечь внимание Есенина тем, что там проживали он сам и близкие ему люди, он бывал у них в гостях. Например, М. П. Бальзамова получила должность учительницы в селе Калитинка в 19 верстах от Рязани, в селе прежде имелась Спасская церковь, а в селе Екимовское того же прихода было в 1676 году «8 бобыльских» дворов [Добролюбов, 1884, т. 1, с. 91]. Есенин посещал село Кузьминское, волостной центр по отношению к его родному селу Константиново, известный по рукописям с начала XVII века (в грамоте 1696 года Василия Иоанновича Шуйского протоиерею Димитрию и священникам Успенского собора в Рязани), отмеченный Олеарием как село Морозово по имени его владельца боярина Петра Морозова, расположенный в 25 верстах от Рязани: «По Окл<адной> кн<иге> 1676 г. в с. Кузьминске значится 2 церкви, при Воскресенской церкви тогда было: “10 дв<оров> боярских, 70 дв<оров> крестьянских, 20 дв<оров> бобыльских <...>”» [Там же, с. 142]. В селе Константиново и соседнем селе Федякино, по данным И. Добролюбова, бобыли не отмечены. Следовательно, ближайшие к «малой родине» поэта бобыли проживали в селе Кузьминское, и о них могли передаваться устные воспоминания от одного поколения к другому.

Интересно, что в ряде селений имелось достаточно большое количество дворов бобылей, их было иногда только наполовину или еще меньше по сравнению с крестьянскими усадьбами. Так, в селе Бежствино Рязанского уезда в 23 верстах от Рязани — «двадцать пять дворов крестьянских, а людей в них двадцать восемь человек, да тринадцать дворов бобыльских, а людей в них четырнадцать человек», согласно Приправочным и Окладным книгам 1676 года [Добролюбов, 1884, т. 1, с. 76]; в селе Карелино в 20 верстах от Рязани было «47 дв<оров> крестьянских и 12 дв<оров> бобыльских», согласно Приправочной и Платежным книгам 1597–1598 и 1628–1629 годов [Там же, с. 86]; в селе Пушино (Крутец) в 7 верстах от Рязани в 1597–1598 годах — «два двора крестьянских да двор бобыльской» [Там же, с. 97]; в селе Аляшево (Вольяшево) в 25 верстах от Рязани в 1676 году — «24 — крестьянских и 15 бобыльских» [Там же, с. 111]. При описании села Тюшево, отстоящего на 14 верст от Рязани, в 1678 году усадьбы посчитаны вместе, что подчеркивает их экономически близкое и низкое положение: «крестьянских и бобыльских 12 дв<оров>» [Там же, с. 113].

В селе Кораблино Рязанского уезда в 18 верстах от Рязани среди прочих местных жителей указаны имена-фамилии бобылей: «<...> да бобыльских дворов: во дворе Гришка Логвинов, во дворе Гришка Савельев, во дворе Ивашка Иванов, во дворе Микифорка Кроливин, во дворе Иванко Половинин, да три двора пустых <...>» [Добролюбов, 1884, т. 1, с. 68]. Там же отмечено общее число жителей: «<...> да 5 дв<оров> бобыльских, а людей в них тож <...>» [Там же, с. 68]. Показательно, что Есенин, с большой вероятностью прочитавший фрагмент книги с именами-фамилиями бобылей (хотя бы из-за нахождения его в 1-м томе, где описано и село Константиново), не последовал этому примеру и оставил своего персонажа безымянным, тем самым акцентировав внимание на социальном типе, на обобщенном герое. Между тем прозвище (и по-

следовавшая за ним фамилия) Бобыль широко представлено в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, ссылающегося на средневековые писцовые книги: «Куземка Бобыль, крестьянин Полоновского погоста» (1495); «Фомка Бобыль, крестьянин Туренского погоста» (1495); «Макар Бобыль, крестьянин Ручайского погоста» (1498); «“Федка Иванов, прозвище Бобыль”, Шуйский посадский» (1646); «Гришка Бобыль, Белоцерковский казак» (1654) [Тупиков, 1903, с. 50].

В российской истории бобыль находился не в самом низу социальной лестницы: за ним следовали холопы и дворовые люди, затем нищие (игравшие важную духовную роль в церковной жизни), для которых устраивались особые помещения: например, в селе Бежствино Рязанского уезда — «четыре кельи, а в них живут нищие, питаются о церкви Божии» [Добролюбов, 1884, т. 1, с. 76]; в селе Спас Утешенье при церкви Преображенской — «4 места келейные нищих старцев», согласно Приправочной книге 1597–1598 годов [Там же, с. 83]. Образ нищего также представлен в творчестве Есенина, например в стихотворении «Шел Господь пытатъ людей в любви...» (1914) [Есенин, 1995, т. 1, с. 42].

«Бобылем» называли крестьянина определенного экономического разряда, как было установлено в Московской Руси в Средневековье по отношению к тяглу (и к наличию пахотной земли в собственном распоряжении) и к началу XX уже считалось устаревшим, употреблялось в переносном значении, в символическом понимании. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона дано определение: «Тягло — в Москов<ской> Руси податная обязанность более или менее осевших, состоятельных хозяйств по отношению к государству. В обычных своих размерах Т. не только превышало размеры оброка <...>, но иногда поднималось выше платежеспособности населения» [Энциклопедический словарь, 1902, т. XXXIV, с. 377]. Со временем тяглом «стал называться объект налога, участок пашни, надел», причем «беднейшие классы сельского и городского населения, нищие, бедные вдовы и пр<очие> вовсе не входили в “разрубы и разметы” тяглою общины» [Там же].

В учебнике истории М. Острогорского, который мог читать Есенин по школьной программе, указывалось: «Повинности отправляли и деньги в казну доставляли купцы, ремесленники и хлебопашцы. Они назывались *тяглыми* людьми. Тяглое сословие состояло в большинстве из сельских жителей, которых стали называть с того времени крестьянами» (курсив оригинала. — *Е. С.*) [Острогорский, 1913, с. 61]; поэт мог изучать более раннее издание. От тягла освобождались первопоселенцы на новых землях: «Вольные люди при заселении необработанной пустоши также получали льготы на тот или другой срок, в зависимости от размеров капитала и количества труда, необходимых для приведения участка в условия, годные для посева» [Энциклопедический словарь, 1902, т. XXXIV, с. 377]. В сказке «Проклятая десятина» А. Н. Толстого, впервые опубликованной в составе его «Сорочьих сказок» в 1910 году, бобыль как раз живет на пустоши. Освобождение от тягла получали пострадавшие в сложных ситуациях, к которым «относятся разорение от неприятельских войск и разбойничьих шаек, пожар, услуги государству и пр.» [Там же], причем крестьяне иногда злоупотребляли этим, создавая видимость таких происшествий.

В «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» Н. И. Костомаров сообщал: «Наконец, в посадах между дворами составляли особый разряд дворы бобылей, людей бедных, не имевших определенного занятия и плативших соответственно своему состоянию меньшие налоги» [Костомаров, 1860, с. 27].

Есенин мог прочитать в «Бродячей Руси Христа ради» С. В. Максимова: «Известно, что при недавнем расчете с крепостным правом, в северо-западном крае оказалось громадное количество батраков и *бобылей*, т. е. тех несчастных, которые обезземелены, и при них — значительное число владельцев, пользовавшихся доходами с тех самых, которые несомненно могли принадлежать лишь крестьянам<,> только их кровавым продолжительным и настойчивым трудом могли быть отвоеваны у девственных лесов, отбиты у непролазных болот, а в Полесье даже и от воды те острова и оазисы, которые стали потом пахотными полями»; в итоге помещики прирезали эти земли себе, сгоняли с них семейства после смерти бобылей, их вдовы продолжали числиться бобылками (курсив наш. — *Е. С.*) [Максимов, 1877, с. 79]. Оставшиеся в живых и согнанные со своих земель бобыли принимались на работу в строившиеся монастыри и становились «людьми тяглыми», утратив свой прежний статус [Там же, с. 307, 314].

**Общерусская и диалектная семантика «бобыля»:
словарный аспект**

Слово «бобыль», помимо общепринятого исторического значения, имело диалектную семантику. По В. И. Далю и С. В. Максиму, в Оренбургской губернии бобылями назывались «бездомные выходцы, припущенники или поселенцы у тептярей, ныне такие же крестьяне чудского племени, но татарского языка»; А. М. Селищев указал значение 'мельник' без привязки к конкретной территории; в Приазовье так именовался «мелкий рыболов <...> в наемном помещении экономии или <...> завода» [Словарь русских народных говоров, 1968, с. 39].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля говорится: «Бобыль, м. пролетарий, крестьянин, не владеющий землею <...> по бедности, калечеству, одиночеству, небрежению; бестягольный, нетяглый; одинокий, бездомок, бесприютный; бобыль живет в людях, захребетником, или в батраках, сторожах, пастухах» [Даль, 1863, с. 23]. В качестве словесных иллюстраций даны поговорки и пословицы, в том числе с дериватами: «Бары наши бобыли, а мы подбобыльнички» [Там же]. В «Пословицах русского народа» (1862) В. И. Даля приведены паремии, причем первая повторена дважды в разных разделах: «Тише пыли: не твои бобыли. Прощай, да не страшай!»; «Ни роду, ни племени. Бобыль бобылем. Круглый сирота и сверху и снизу»; «Позавидовал бобыль беспашотному»; «Найдется нивка и бобылю на свои кости»; «Ветер взбесится, и с бобылей избы крышу сорвет» [Даль, 1862, с. 224, 379, 676, 742, 766, 1028]. Сравнительно большое количество пословиц о бобыле свидетельствует о широком распространении этого социального типа в прошлом.

В многотомном «Словаре русского языка XI–XVII вв.», учитывающем «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского [Материалы для словаря древнерусского языка ... , 1893, т. 1], отмечено слово «бобыль» с определением: «Человек, не имеющий своей земли и не несущий государственного тягла»; в указанный период имелись разряды: «Бобыли дворовые, келейные, митрополичьи, монастырские, поповы, посадские, сторожевые, церковные, стрелецкие и казахи, ямские и др.» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1975, с. 255]. У И. И. Срезневского указано: «Бобыль — селянин без пахотной земли» [Материалы для словаря древнерусского языка ... , 1893, т. 1, стб. 125].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» приведены и уменьшительно-уничижительные формы «бобылекъ», «бобылишко» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 1975, с. 254]. Общественный статус такого сельского жителя получил наименование «бобыльство» [Там же, с. 255]. Здесь же помещены цитаты, показывающие причины появления бобылей: «А до литовскаго разоренья тѣ бобыли были пашенные крестьяня и отъ литовскаго разоренья они оскудали, пашни не пашутъ, жеребий ихъ пашни лежитъ впусѣтъ» [Там же]. Дано устойчивое выражение «“Въ бобыль бѣжати” — незаконно уйти с тягла и перейти в разряд бобылей» [Там же]. Но плата с бобылей все равно бралась, только в другой форме: «бобыльское», «бобыльщина» — это «оброк, взимавшийся с бобыля в пользу землевладельца» [Там же]. Бобыли могли иметь жен («бобылиха», в том числе и вдова) и детей, к ним существовали женские параллели — «бобылка», «бобылица» [Там же, с. 254]. Как уже сообщалось, исторически бобыли и их вдовы проживали в том числе на землях будущей Рязанской губернии, что отражено, например, в «Рязанской памятной книге» под 1597 годом: «Во дв<оре> вдова Марьица бобылиха. Пашни паханые и наѣздные худые земли пятьдесятъ три ч<ети>» [Там же].

В «Полном церковно-славянском словаре (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)» священником Г. М. Дьяченко (1900) указано: «Бобыль — селянин без пахотной земли» [Дьяченко, 1900, с. 49].

Смысл термина «бобыль» по энциклопедическим данным

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона (1891) дано толкование: «Бобыль — юридическо-бытовой термин, означающий по большей части одинокого и вообще не имеющего надела крестьянина. В Западных губерниях б<обылями> или “кутниками” (собственно контниками, от польского *katnik*, от *kat* — уголь) назывался особый разряд государственных крестьян, к которому принадлежали крестьяне безземельные, бездомные, которые, по бедности своей, несмотря даже на некоторое пособие от правительства, заключавшееся в выда-

че известных ссуд для первоначального обзаведения в хозяйстве, не могли поступить в высшие разряды, установленные по люстрации <...>. Наше законодательство <...> указывает на необходимость уменьшения по возможности числа Б., путем выдачи вышеуказанного пособия, а также предназначая земли для будущего наделения их в случае поступления в число оседлых хозяев и оставляя до этого перехода такие земли в числе запасных, отдаваемых на оброк»; также предполагается переселение бобылей или временное пребывание в других селениях для наемных работ [Энциклопедический словарь, 1891, т. VI, с. 139].

Показательно упоминание Северо-Западных губерний в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона, что важно для понимания территории миграции жителей «малой родины» Есенина: 18 семейств (около 120 душ) крестьян были переселены помещиком, статским советником А. Д. Олсуфьевым, в 1849 году из села Константиново Рязанской губернии и уезда в деревни Сукромля, Скаторонь, Симиричи, Слобода Хера, Слобода Меловая, Александровка, Выселок Фофкин Рославского уезда Смоленской губернии, и затем часть из них, сочетавшаяся браком, вернулась оттуда; в метрических книгах в 1880-х годах значится фамилия Смоленский [Самоделова, 2015, с. 24¹]. Этот факт мог привести к усвоению крестьянами села Константиново юридического термина «бобыль» в Смоленской губернии, относящейся к числу Северо-Западных губерний, и к перенесению его в родное село Есенина, где он стал использоваться наряду с его бытованием в волостном селе Кузьминское Рязанской губернии (см. выше).

В «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова (1901) помещена статья «Бобыль», в которой указаны время и место бытования этого юридического и бытового термина — в Великороссии «в период развития крепостного права»; дана характеристика — «захудалый крестьянин, лишенный права собственности», «крестьянин без тягла и без пашни, иногда без семьи», «не пашенный, безземельный человек», может иметь хижину; «в течение всего XVI века это его отличительная черта» [Большая энциклопедия, 1901, с. 354].

В «Энциклопедическом словаре» (1911) братьев Гранат уже сообщалось о неопределенности и юридической неупорядоченности дефиниции: «Бобыль, очень сложный, запутанный и спорный термин в истории русского права, встречающийся в памятниках с 1500 г. <...> Также, как и изгои, Б. состоят в каких-то особых отношениях к церкви, как люди бедные, одинокие. Были Б. хозяйственные (дворовые) и бродившие меж двор. Чаще всего это беспашенные ремесленники, но уже в XVI в. встречаются и пашенные Б., берущие землю из оброка и пашущие ее наездом. <...> Включение Б. в общее тягло с крестьянством, последовавшее одновременно с введением живущей четверти в 1630–1631 гг., было только упорядочением старого явления посредством установления определенного уменьшенного тягла бобылей, как полувытчиков, причем смешение крестьян с бобылями в источниках начинается еще в XVI в.» [Шумаков, 1911, стб. 89]. Подать, взимаемая с бобылей, называется бобыльщиной. Несмотря на уравнивание бобылей с крестьянами в 1649 и 1679 годах, «бытовое обозначение термином “Б.” человека одинокого, выбитого из колеи, сохранилось» [Там же].

Этимология и динамика смысловых изменений термина «бобыль»

Интересно проследить, как менялось словарное значение лексемы «бобыль» в разные исторические времена. Так, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) это слово трактовалось как «крестьянин, не имеющий тягла и собственной пашни»; давалась иллюстрация: «Бобыль бобылем. Поговорка, означающая человека, не имеющего домашнего обзаведения» [Словарь церковнославянского и русского языка ... , 1847, с. 64]. Забегая вперед, заметим, что впоследствии смысл этой поговорки перетянул на себя изначальное значение определяемого слова.

В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской академии наук» (1891) дано уже два толкования лексемы «бобыль» — социально-историческое и семейное, причем первое проиллюстрировано народным крылатым выражением и цитатой из стихотворения «Песня бобыля» И. С. Никитина, а второе не встречается в энциклопедиях: 1) «Безземельный крестьянин, одинокий, бездомный и бесприютный. *Бобыль бобылем*, человек, не

¹ Автор статьи выражает благодарность архивисту Д. Ю. Филиппову за эти сведения.

имеющий никакого домашнего обзаведения»; 2) «Крестьянин, у которого нет сына (хотя бы и были дочери)» (курсив оригинала. – Е. С.) [Словарь русского языка ... , 1891, стб. 218]. Очевидно, второе значение соотносится с ограничением земельного надела, который давался на «душу населения», то есть на мужчину; следовательно, дочери такого крестьянина не наследуют пашенную землю, а он сам становится последним звеном в крестьянском сословии, оказавшись на подступах к бобыльству. В словаре приведены прилагательные — синонимы: «бобыльский» и «бобылий»; дан исторический термин: «бобыльское состояние» [Там же, стб. 219]. В «Словаре русского языка...» также указана «бобыльщина» с пометой «стар<инное>»: «Подать, которая собиралась с бобылей» [Там же]; это дословно повторенное определение, имевшееся в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года. Родственный термин «бобыльиха» как «жена бобыля» [Там же] вступает в противоречие с первым словарным значением «бобыля», а еще один дериват «бобылка», как и главное слово, также показан в двух значениях: 1) «То же, что бобыльиха»; 2) «Бедная и бесприютная вдова» [Там же]. Известна фамилия Бобылевы, образованная от наименования детей бобыля (например, Д. К. Бобылев, профессор механики; Н. Бобылев, писатель) [Большая энциклопедия, 1901, с. 353–354]. Очевидно, от горькой участи бобылей произошло диалектное название полныи — «бобыльник»; менее ясно обоснование наименования василька этим словом [Там же, 356].

Этимология «бобыля» остается неясной. В «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера «бобыль» гипотетически трактуется как калька со скандинавских языков со значением «безземельный крестьянин, поденщик»; отмечено его употребление в труде Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (в нем бобыль и крестьянин представлены как разные социальные типы, различающиеся по отношению к владению землей) [Фасмер, 1986, с. 181 ; Котошихин, 1884, с. 98, 109, 152, 162]. Фрагменты сочинения Г. К. Котошихина изучались в школе и включались в учебные хрестоматии, а третье издание было хронологически наиболее доступно, и его мог читать Есенин. В «Истории русской словесности для средних учебных заведений» А. И. Незеленова давалась краткая характеристика труда Котошихина [Незеленов, 1912, с. 119–120].

Бобыль на Рязанщине и в художественной литературе XIX–XX веков, в русских народных сказках, былинах и песнях

Уже задолго до времени написания рассказа Есенина термин «бобыль» не употреблялся в официальном статистическом описании Рязанской губернии, где в середине XIX века проживали разные типы крестьян: «государственные крестьяне разных наименований», в том числе «экономические» (бывшие «монастырские»), «пашенные солдаты», «рассыльщики», «засечные сторожа», «казенные кузнецы», «малороссиане», «мурзы и татары», «крестьяне отписные, вымороченные и взятые в казенное ведомство», «крестьяне, принадлежащие Орловскому Бахтинскому корпусу», «собственные Его Императорского Величества»; «водворенные на собственных землях» (бывшие «свободные хлебопашцы»); «ямщики»; «крестьяне, принадлежавшие бывшей комиссии построения храма Спасителя в Москве»; «переданные из удела»; «однородческие дворовые люди»; «коннозаводские», или «императорских военно-конских заведений»; «московской Голицынской больницы»; «помещичьи», в том числе «крестьяне издельные и оброчные, и дворовые люди»; «крестьяне, приписанные к частным фабрикам и заводам» [Материалы для географии и статистики России ... , 1860, с. 145–158]. О бобылях (не как о представителях актуальной социальной прослойки, а в переносном смысле и с отсылкой к прежней семантике) в Рязанской губернии середины XIX века известно следующее: «Двор, не имеющий лошади, не составляет хозяйства; хозяин отдает землю свою в наем и нанимается в работники, ведя часто жизнь бездомного бобыля» [Там же, с. 221].

Однако в архивах продолжают храниться данные о наличии бобылей в прошлом на Рязанщине, и такие сведения публикуются спустя десятилетия после кончины Есенина. Так, их привел учитель истории из села Конопдино Ухоловского района, расположенного на юго-востоке Рязанского края: «Село наше упоминается в окладной книге 1676 года (более раннего упоминания о селе мы пока не знаем) как Конопдино, Старое Коренное, в котором уже было 75 дворов помещиков <однородцев?>, 125 дворов крестьянских и 25 дворов бобыльских»

[Байбурин, 2004, с. 184 — со ссылкой на С. Эрдмана]. Может быть, и в родном для Есенина селе Константиново (как в селе Кузьминское) ранее жил какой-нибудь бобыль, как имелся кантонист [Панфилов, 1992, с. 86], и рассказ имеет жизненную основу?

А. Д. Панфилов привел сведения местной жительницы родного села Есенина, которая напрямую не упомянула бобылей, но отметила малоземельность отдельных крестьян: «Были и такие, что и вовсе по полдуши имели, — говорит Авдотья Егоровна Зиминая» [Панфилов, 1992, с. 93].

Есенин мог прочитать историю бобыля, придуманную А. Н. Толстым в сказке «Проклятая десятина» [Толстой, 1910, с. 88–91]. В свою очередь, А. Н. Толстой был прекрасно осведомлен о точном значении слова «бобыль»: в его рукописной «Черной тетради» второй половины 1900-х годов в перечне прочитанных книг и журналов значился «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Ник. Калачовым» [Самоделова, 2014, с. 26–42]. Н. В. Калачов, рассуждая об особенностях XVII века в городе Инсар Пензенской губернии, указывал: «Обыватели сельские разделялись на крестьян русских и татарских, *бобылей*, крестьян яшашных и мордву; но сверх того было еще другое общее во всей Руси разделение крестьян русских (в том числе отчасти и татарских) на патриарших, митрополичьих (владычных), монастырских, помещичьих и вотчинниковых и казенных или тягловых в собственном смысле» (курсив наш. — Е. С.) [Калачов, 1855, с. 80]. В статье П. Д. Калмыкова «Краткое обозрение постепенного образования классов сельских обывателей в России» в разделе «От Уложения до первой революции (с 1649 по 1719 год)» сказано: «Название *бобыли* в сем периоде и в начале следующего постоянно употребляются в законах как различное от названия крестьян. Основываясь на нынешнем значении его, можно предположить, что бобыли были безземельные крестьяне, которые продавались без земли, в противоположность собственно так называемым крестьянам» (курсив оригинала. — Е. С.) [Калмыков, 1862, с. 128–129].

Выбор Бобыля в качестве главного героя Есениным, как и А. Н. Толстым, свидетельствует в пользу отнесения произведения к сказочному жанру: к сказкам с зачином про старика или старика со старухой, хотя у поэта персонаж представлен более несчастным, не имевшим детей и не получившим их впоследствии чудесным образом; также в сказочном повествовании это «вневременной» типаж, хотя в исторической действительности он имел хронологическую приуроченность. У Есенина, в отличие от А. Н. Толстого, слово «Бобыль» напечатано с заглавной буквы и является, скорее всего, прозвищем пожилого одинокого крестьянина; фамилия тоже возможна, но менее вероятна (ср.: Коваль, Даль).

Бобыль упомянут в «Николине огне» в сборнике «Николины притчи» (1917) А. М. Ремизова. Впервые произведение опубликовано в журнале «Огонек» в 1915 году, № 49; источником послужил фольклорный текст из журнала «Живая старина» (1912, книга II–IV, № 8), как сообщил Ремизов в примечаниях [Ремизов, 1917, с. 124]; там же он указал дату написания его сочинения — 1915. Есенин был знаком с журналом «Огонек» и 26 июля 1915 года в № 30 опубликовал стихотворение «Рекруты» («По селу тропинкой кривенькой...») [Есенин, 1995, т. 1, с. 48–49; Летопись жизни и творчества С. А. Есенина, 2003, т. 1, с. 255]. Также Ремизов в разговоре с Есениным, познакомившись с ним в Петрограде в марте 1915 года [Есенин, 1999, т. 7 (1), с. 545], мог поведать ему эту легенду о Николе. В «Николине огне» повествуется о Николае Угоднике, ходившем неузнанным по миру и забредшем в последнюю избу в очередной деревне: «Бобыль один жил. Покормил старичка бобыль, принес соломки и шубу дал. И легли спать» [Ремизов, 1917, с. 27]. Далее Николай Угодник в благодарность за приют помогает в молотье, сначала традиционным способом, а потом с помощью чудесного «белого огня»; следовавшие примеру святого крестьяне лишь вызвали пожар и спалили деревню.

Старший современник поэта Е. В. Честняков (1874–1961) в поэме «Титко» (опубликована в 1999 году) упоминал бобыля как типичного героя народных сказок:

Лучше сказок не иметь,
А иметь, то лишь одну, —
Лучшую на всю страну, —
Сказку-явь и сказку-быль,
Где героем не бобыль.

[Честняков, 1999, с. 197].

Действительно, в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева фигурирует бобыль: «Жил-был старой бобыль с своею старухой; у него было три сына: два умных, младший — Иван-дурак» [Афанасьев, 1861, с. 76]. Известно, что Есенин читал сказочное собрание А. Н. Афанасьева (отдельные сказки входили в школьную программу и были представлены в учебных хрестоматиях), и, возможно, такой зачин послужил основой его «рассказа», который своей стилистикой напоминает фольклорные сказки. Типичный зачин фольклорных сказок — волшебных и бытовых (и даже о животных), представленных хотя бы у Афанасьева, — упоминает полярные социальные и социально-поло-возрастные типы: «Жили мужик да баба и не знали, что есть за работа; а была у них собака, она их и кормила и поила» [Афанасьев, 1957, т. 1, с. 95, № 63 ; ср. с. 78, № 55]; «Жил-был старик да старуха, у них было три дочери» [Там же, с. 134, № 92]; «В некотором царстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой» [Там же, с. 136, № 93]; «Женился мужик вдовый с дочкою на вдове — тоже с дочкою <...>» [Там же, с. 146, № 98]. Реже встречаются сюжеты, уже в зачине выдвигающие представителей иных (иногда близких) сословий, профессий и даже национальностей — короля (и короля с королевой), барина, старуху-княгиню, купца, стрельца или стрелка, попа, портных, крестьянина (и двух крестьян), батрака, парня в работниках, солдата, бурлака, лакея да кучера, цыгана и т. п., а также персонажей степеней кровного, христианского и социального родства — два или три брата, кум с кумой, муж с женой, мальчик-сиротинка [Там же, т. 2, с. 62, 167] и др. По зачину рассказа-сказки Есенина возраст бобыля определить нельзя, однако его старость проявлена в дальнейшем описании: «Задумается Бобыль у лежанки, начнет вспоминать прожитое». И далее: «Только годы Бобыля обманули <...>». И затем: «Только реже старик выходил из хаты. Лежит он на полатах, слезть не может» [Есенин, 1997, т. 5, с. 159], и др.

Показательно, что в народных юмористических песнях былинного склада также фигурирует бобыль как социальная характеристика, иногда применительно к герою-животному с сюжетом о птицах: «Цари живут по царствам, / Бояра живут по поместьям <...> Бобылишка по подворьям <...>» — в песне «Птицы и небывальщины»; «Кошки на море вдовицы, / И то бобыли-сироты» — в песне «Птицы» [Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 1909, т. 1, с. 493, № 98 ; с. 421, № 77]. Есенин мог познакомиться с трехтомником былин в записях П. Н. Рыбникова по рекомендации его составителя А. Е. Грузинского — лектора Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского, где поэт учился в 1913 — начале 1915 года.

В труде Ф. И. Буслаева «Русская народная поэзия» с указанием на титуле «Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1» (1861) Есенин мог прочитать трактовку древнерусского произведения с упоминанием бобыля в переносном смысле: «Именно таким палачом выведено Горе-Злочастье, которое бессемейному бобылю навязалось на шею, и как бы в насмешку над неудачною его попыткою обзавестись женою и домиком, сулит ему свою собственную семью с родственниками *гладкими, умилными*» (курсив оригинала. — Е. С.) [Буслаев, 1861, с. 573]. Песня о Горе-Злочасти известна в разных вариантах в устном бытовании в народе.

Бобыль встречается и в необрядовых песнях, но публикации их, прочитанные Есениным или хотя бы гипотетически известные ему, еще предстоит выявить; равно вероятно, что в селе Константиново и окрестностях бытовали народные песни про этот социальный типаж или хотя бы с упоминанием его. Пока же приведем пример записи П. В. Киреевским песни «На горе сосна расшаталась...» середины XIX века, но опубликованной более столетия спустя — со строкой: «Мужики живут, бобыли слынут» [П. В. Киреевский, 1968, с. 610, № 20].

Вероятно, Есенин читал рассказ «Бобыль» Д. В. Григоровича (1847), в котором также умирает главный герой-старик, имеется барская собака Розка (ср. то же имя в «Новой азбуке» Л. Н. Толстого) и упоминается «рябая Палашка» — дворовая девка; ее имя в вариативном бытовом звучании — Палага — могло отразиться в рассказе «У белой воды» (<1915>; <1916> по дате публикации) [Есенин, 1997, т. 5, с. 156].

Также Есенину должны быть знакомы стихотворения «Бобыль» (1854) и «Песня бобыля» (1858) И. С. Никитина, имеющие общий мотив и даже один-полтора одинаковых куплета. В «Предисловии» М. О. Гершензона говорится о них как о разных редакциях [Никитин, 1912, с. VI]. Первое сочинение представляет бобыля с его самохарактеристикой: «Без избы — я пригрет, / Сокол — без наряда»; «А тут вот молодец: / За сохой не ходит» [Там же, 1912, с. 76–77]. Показательны три конечных куплета, в которых описывается будущая кончина бобыля с предше-

ствующими ей вопросами о том, кто «Приглядит за больным, / Мертвого схоронит?» [Никитин, 1912, с. 77]. И с ответом: «Над могилой его / Буря проголосит <...> Принакроет весна / Шелковой травой» [Там же]. Вторая песня — с зачином: «Ни кола, ни двора, / Зипун — весь пожиток...»; с характеристикой — «Бобыль гол, как сокол, / Поет-веселится»; с концовкой — «Поживем да умрем <...> Песенка допета!» [Там же, с. 141]. Показательно, что «Бобыль» Никитина имеет посвящение-подзаголовок в скобках: «(Посвящается Н. В. Кукольнику)»; сравните у Есенина «Бобыль и Дружок»: «(Рассказ, посвященный сестре Катюше)». И схема повествования у «Бобыля» Никитина и рассказа Есенина общая, и сюжет упоминает зимнюю вьюгу или бурю, наступление смерти весной и оплакивание природой: сообщается, что бобыль не пашет, бобыль — сирота, над могилой «буря проголосит» или завоет собака, весна укроет травой.

Бобыль и бобылка фигурируют в цикле «Мелочи жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Прислуга при доме состояла из двух человек: хромоногого бобыля Фоки да пожилой бобылки Филанидушки, которые и справляли все работы около дома. <...> Она [П. Г. Варнавинева] почти без посторонней помощи сама обрабатывала огород, убирала комнаты, зимой топила печки, куда бобылка Филанидушка возилась в стряпущей, ходила за коровами и т. д.» [Салтыков-Щедрин, 1974, с. 197]. Есенин мог читать издание 1887 года [Салтыков (Щедрин), 1887].

Творчество писателя анализировалось в курсе лекций П. Н. Сакулина «Русская литература середины XIX века» в 1913/1914 академическом году: «Сатира Салтыкова. Общая оценка эпохи шестидесятых годов» [Прокушев, 1963, с. 160 ; Летопись жизни и творчества С. А. Есенина, 2003, с. 593]. В архиве шанявца Б. А. Сорокина сохранились мемуары о знакомстве с Есениным, который знал о проживании Салтыкова-Щедрина в Пензе [Сухов, 2021]; также писатель-сатирик был в разные годы вице-губернатором и управляющим Казенной палатой Рязани.

Повлиять на замысел рассказа Есенина могла картина В. Г. Перова «Гитарист-бобыль» (1865) с изображением пожилого мужика в тулупе с гитарой в руках, у столика с бутылкой и стаканом с вином (возможно, в трактире). Живописное полотно хранится в открытом для публики в 1898 году Русском музее императора Александра III (теперь — Русский музей), где поэт гипотетически мог ее видеть уже в первый приезд в Петроград — например, с 24 по 29 марта 1915 года вместе с московским журналистом Хр. Поповым [Летопись жизни и творчества С. А. Есенина, 2003, с. 214]; также эта картина многократно публиковалась в журналах и вряд ли осталась незамеченной поэтом.

Быт и образ жизни Бобыля в рассказе Есенина и их народные истоки

Бобыль у Есенина имеет только «хату» и собаку (очевидно, двора и надела земли не было). Показательно наименование «хата», типичное для южных территорий России, в том числе для юга Рязанщины с «мазанками», но не для севера губернии, где расположено село Константиново. В «Родном и близком» А. А. Есенина описала избы и избышки, но ничего не сообщила о хатах [Есенина, 1986, с. 55–125]; в то же время Есенин, наряду с «избой», использовал лексему «хата» и в других произведениях того же периода: например, «Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты — в ризах образа» (1914), «В хате» (1914) [Есенин, 1995, т. 1, с. 46, 50], «Село (Перевод из Шевченко)» — со стихом «Цветут сады, белеют хаты» (<1914>) [Есенин, 1996, т. 4, с. 62]. Можно предположить, что увлеченность Есенина творчеством Т. Г. Шевченко и привела его к использованию наименования «хата», более типичного для Малороссии. Лексема «хата» продолжает употребляться в сочинениях, условно относимых к 1916 году: «Гаснут красные крылья заката...» — со строкой «Не тоскуй, моя белая хата»; «Исус младенец» со стихами — «А Боженька в хате» и «Ворочалась к хате / Пречистая Мати» [Там же, с. 127, 142–143]; встречается она и в «маленьких поэмах» 1917–1918 годов — в «Товарище» и «Инонии» [Там же, 1997, т. 2, с. 32, 67]. В отличие от бревенчатой избы, хата делалась из самана (смеси глины с высушенным навозом, сформованной наподобие больших кирпичей или покрывающей плетневое основание), имела меньший размер (всегда одноэтажная), была более дешевой и ставилась на безлесных территориях (в «Бобыле и Дружке» лес упомянут неподалеку от хаты героя). Возможно, Есенин уловил созвучие слова «хата» начинающимся с той же буквы лексемам «хибара», «халупа», «хижина», использованным в энциклопедических словарях для характеристики бедного жилья

бобыля. Так, в «Большой энциклопедии» С. Н. Южакова указано: «Б<обыль> — крестьянин без тягла и без пашни, иногда без семьи. В одном случае он полупролетарий, имеющий хижину, в другом он — пролетарий» [Большая энциклопедия, 1901, с. 354].

Также Есенин в детском рассказе неоднократно использовал слово «деревня» вместо «село»; возможно, таким способом он намеревался отвлечь излагаемую историю от родного Константинова, придать ей обобщенный характер: ведь количество деревень (как более мелких поселений) в несколько раз превосходило число сел в России.

Примечательно, что слово «бобыль», помимо данного рассказа, имеется в «Яре» (<1915>): «Ты, тетенька, меньше ста рублей не бери, — говорил он [работник Степан] утром о приданом. — Ведь я не бобыль: две лошади, три коровы да овец сколько...» [Есенин, 1997, т. 5, с. 117]; в поэзии Есенина данная лексема не встречается. И рассказ, и повесть созданы в один год и посвящены сельской жизни, в которую в детстве и юности был погружен писатель, а в 1915 году опозитивировал ее в художественной прозе, пронизанной прямыми и косвенными отсылками к традиционному фольклору «малой родины» и чертами локального этнографизма.

Есенин глубоко сочувствовал обездоленным людям, о чем вспоминал один из жителей окрестных селений: «В ту пору жили мы в селе Шехмино. В 1903 году умер мой отец, а затем вскоре от пожара сгорела наша изба. И судьба заставила нас ходить с сумой по миру. Много сел и деревень исходили мы. Были и в Константинове. Тут нас и увидела Татьяна Федоровна, мать Сергея Есенина, и пригласила нас в дом. Навстречу мне выбежал кудрявый мальчик и, взяв меня за руку, повел в дом, я застеснялся, но, видя простоту его, почувствовал себя смелее. Он посадил меня за стол, и сам сел рядом. Не помню, о чем он меня спрашивал, но запомнился мне его дед, который принес пыхтящий самовар и поставил его на стол. Сергей подавал мне кусочки рафинада и баранки. После чая Сережа куда-то исчез... Через несколько минут приносит мне брюки, потому что мои были все рваные» [Жутаев, 2008, с. 31–32].

Бобыль у Есенина представлен странником, путешествующим по соседним селениям для сбора подаяния. Есенин в юности испытывал интерес к проблематике странничества по монастырям и деревням с просьбой о подаянии — об этом свидетельствуют уже заглавия его стихотворений: «Калики», «Пойду в скуфье смиренным иноком...», «По дороге идут богомолки...», «Я одену тебя побирушкой...», «Побирушка», «Я странник убогий...», «Нищий с паперти...» [Есенин, 1995, т. 1, с. 37, 40, 68 ; 1996, т. 4, с. 99, 102, 108, 131] и др. Образ нищего-попрошайки двупланов: с одной стороны, над ним потешаются жители деревни («Калики», 1910, опубликовано в 1915 году), с другой — под его личиной «Шел Господь пытаться людей в любви...» (1914) [Там же, 1995, т. 1, с. 42]. На Рязанщине, как и по всей России, были распространены легенды о Спасителе и святых, путешествующих по земле под видом странников, а также до сих пор бытует поверье о 40 днях странствий Иисуса Христа после Пасхи до Вознесения. Крестьяне считали своим долгом кормить всех путников, тем самым угождая Богу и надеясь после смерти оказаться в раю, а при жизни избежать несчастной судьбы нищих.

И. Г. Прыжов в «Житии Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве» рассуждал о весомой роли юродивых в Древней Руси и о двойственном к ним отношении: «Народ должен был делать заговоры “от старца и старицы, от посхимника и посхимницы» (со ссылкой на И. П. Сахарова) [Прыжов, 1860, с. 8]. «Стоглав» говорит «о лживых пророках и о блаженных, лишенных разума, считавшихся за святых и творивших богомерзкие дела» [Там же]. В XVII веке на них устраивались царем Алексеем Михайловичем и Церковью гонения, в 1690 году даже «велят бить кнутом и ссылать в Сибирь, а в 1694 г. брать в Стрелецкий Приказ» [Там же]. Но двор царицы Прасковьи Федоровны, по свидетельству Татищева, «похож был на госпиталь юродивых и ханжей, которые были в великом почтении у баб, в которых верили, которым целовали руки» [Там же, с. 9]. Обширны обозначения таких «божьих людей»: убогие, юроды, калеки, блаженные; имели женские ипостаси — богомолки, старицы, кликуши, шутихи, странницы [Там же, с. 10–12]. В труде «Нищие на Святой Руси» И. Г. Прыжов привел целый перечень лиц, включив бобыля в ряд близких ему по социальному положению и объяснив причины их появления: «Это неимущие, захребетники, бобыли, беглые, погорелые, ослепшие, спившиеся, идут они пред нами, и масса их постоянно увеличивается от отсутствия в жизни всяких человеколюбивых начал, от постоянных разгромов, пожаров, ежегодно истреблявших целые города, морозных поветрий, голодных времен, рабства и пр. и пр.» [Прыжов, 1862, с. 54].

С. В. Максимов написал книгу о нищих с «говорящим названием» — «Бродячая Русь Христа ради» (1877), с указанными на титуле разделами с такой же прозрачной семантикой — «Прошаки», «Запрошики», «Нищая братия: Побирушки. Погорельцы. Нищebroды <...>» и др. [Максимов, 1877].

Заключение

Бобыль как историко-социальный тип и маркер фольклоризма Есенина

Очевидно, внимание Есенина в реальной жизни привлёк бобыль именно как необычный тип, необыкновенно яркий и даже, можно сказать, экзотический для села начала XX века. Поэтому писатель решил создать рассказ, сделав Бобыля главным героем и даже наделив его «говорящим» прозвищем (или фамилией?), в основе которого лежит прием метонимии. Этот персонаж является важным маркером фольклоризма Есенина и позволяет поставить вопрос о жанровой неоднозначности произведения, обозначенного автором как «рассказ» в подзаголовке, но тяготеющего к литературной сказке.

Обобщая сказанное, укажем, что при жизни Есенина слово «бобыль» стало полисемантически и обозначало как одинокого (овдовевшего или изначально неженатого) мужчину (что широко распространено в современном народном мнении), так и принадлежность человека к определенной профессии или сословию, причем неодинаковая семантика наблюдалась уже в разные исторические периоды и на различных территориях Российской империи. В то же время старинные смыслы слова «бобыль» могли обусловить и такое прочтение рассказа: Бобыль живет по собственным социальным обязательствам, отдельно от крестьян, не входит в их сообщество хотя бы из-за своего отличающегося экономического статуса. Бобыль сетует, что «люди нам все чужие» [Есенин, 1997, т. 5, с. 159], — и они действительно принадлежат к разным условиям. Однако Бобыль еще беднее остальных жителей деревни, но он член их сельской общины, поэтому они дают ему подавание и тревожатся, когда он не выходит из хаты, а после его кончины отпевают в церкви и хоронят, соблюдая все общепринятые нормы православной религии и человеческого общежития, отрывая скудные средства от семьи и воздавая ему последние почести как близкому человеку, соседу и земляку. Собаку же они гонят из церкви именно из-за религиозных предписаний и потому, что действительно не видят в ней друга, поскольку в деревнях обычно держали псов на цепи для охраны крестьянской усадьбы и воспринимали их как животных-помощников, но не компаньонов.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 8 вып. — 2-е изд., доп. — М. : Изд. К. Солдатенкова, 1861. — Вып. VI. — 368 с.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. — М. : Худож. лит., 1957. — Т. 1. — 516 с. ; Т. 2. — 511 с. ; Т. 3. — 572 с.
3. Байбурун А. В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) // Рязанский этнографический вестник. — 2004. — Вып. 32. — 546 с.
4. Большая энциклопедия : слов. общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова. — СПб. : Книгоиздат. т-во «Просвещение», 1901–[1909]. — Т. 3. — С. 353–354, 354–356, 356.
5. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова : В тип. т-ва «Общественная польза», 1861. — Т. 1. — 643 с.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М. : В Унив. тип., 1862. — XL, 1095, 6 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Изд. О-ва любителей рос. словесности, 1863. — Т. 1. — 623 с.
8. Добролюбов Иоанн, свящ. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, со списками из настоятелей за XVI, XVII и XIX ст. и библиографическими указаниями : в 4 т. — Зарайск : Тип. А. Н. Титовой, 1884–1891. — Т. 1. — 1884. — 363, V с.
9. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. — М. : Тип. Вильде, 1900. — 1120 с.
10. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. — М. : Наука : Голос, 1995–2001.
11. Есенина А. А. Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / под ред. А. А. Козловского. — М. : Худож. лит., 1986. — Т. 1. — С. 55–125.

12. Жутаев А. П. Памятные встречи (Из воспоминаний Куркова Степана Андреевича, деревня Ахмылово Рыбновского района) // Константиновские встречи: Воспоминания, дневник художника, рассказы, сказки / А. П. Жутаев. — Рыбное : Рыбновское полиграф. предприятие, 2008. — С. 31–33.
13. Калачов Н. В. Заметки (статистические и археологические) об Инсаре и его уезде // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Ник. Калачовым. — М. : В тип. А. Семена, 1855. — Кн. 2, пол. 1, отд. I. — С. 35–96.
14. Калмыков П. Д. Краткое обозрение постепенного образования классов сельских обывателей в России // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. — СПб., 1862. — Кн. 3. — С. 125–151.
15. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб. : В тип. Карла Вульфа, 1860. — 215 с.
16. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича 3-е изд. — СПб. : Изд. Археограф. комис., 1884. — 260 с.
17. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. / под ред. Ю. Л. Прокушева. — М. : ИМЛИ РАН, 2003. — Т. 1. — 746 с.
18. Логачева Е. В. Фольклорные традиции и «сказочный» синтаксис рассказа С. А. Есенина «Бобыль и Дружок» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». — 2017. — № 4. — С. 26–33.
19. Максимов С. В. Бродячая Русь Христа ради. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1877. — 467 с.
20. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / сост. М. Баранович. — СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. — III, IV, 553 с.
21. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского. — СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1893. — Т. 1. — IX, 1420 стб., 49 с.
22. Незеленов А. И. История русской словесности для средних учебных заведений. — 21-е изд. — М. : Изд. кн. магазина ТД Думнов, Клочков, Луковников и К°, 1912. — Ч. 1 : С древнейших времен до Карамзина. — VIII, 237 с.
23. Никитин И. С. Полное собрание сочинений : в 1 т. / под ред. М. О. Гершензона. — М. : Изд. А. С. Панафиной, 1912. — VI с., 448, IX с.
24. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — М. : ООО «А Темп», 2006. — 944 с.
25. Острогорский М. Учебник русской истории с рисунками, картами, таблицами : элементарный курс : для средн. учеб. заведений и гор. училищ. — 25-е изд. — СПб. : Тип. Трепке и Фюсно, 1913. — 167 с.
26. П. В. Киреевский / публ. П. Д. Пухова ; вступ. ст. А. Д. Соймонова ; коммент. Н. П. Колпаковой // Литературное наследство. — М. : Наука, 1968. — Т. 79 : Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. — С. 599–638.
27. Панфилов А. Д. Константиновский меридиан : в 2 ч. — М. : Энцикл. рос. деревень, 1992. — Ч. 1. — 297 с.
28. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : в 3 т. / под ред. А. Е. Грузинского. — 2-е изд. — М. : Изд. фирмы «Сотрудник школ», 1909. — Т. 1. — 512 с.
29. Прокушев Ю. Л. Юность Есенина. — М. : Моск. рабочий, 1963. — 192 с.
30. Прыжов И. Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. — СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1860. — 52 с.
31. Прыжов И. Г. Нищие на Святой Руси : материалы для ист. обществ. и нар. быта в России. — М. : В тип. М. И. Смирновой, 1862. — 139 с.
32. Ремизов А. М. Николины притчи. — Пг. : Тип. Гл. управления пограничной охраны, 1917. — 127 с.
33. Салтыков (Щедрин) М. Е. Мелочи жизни. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. — Ч. 1. — 217 с. ; Ч. 2. — 245 с.
34. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. — М. : Изд-во Худож. лит., 1974. — Т. 16, кн. 2 : Мелочи жизни. 1886–1887. — 390 с.
35. Самоделова Е. А. Первоисточники «Сорочьих сказок» А. Н. Толстого // Алексей Толстой: Диалоги со временем. — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — С. 26–42.
36. Самоделова Е. А. Традиционная рязанская свадьба (Довенчальные ритуалы и таинство венчания). Часть 1 // Рязанский этнографический вестник. — 2015. — Вып. 56, т. 1. — 259 с.
37. Словарь русских народных говоров. — Л. : Наука, 1968. — Вып. 3. — 360 с.
38. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М. : Наука, 1975. — Вып. 1. — 372 с.
39. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 5 т. / [ред. акад. Я. К. Грот]. 5-е изд. — СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1891. — Т. 1. — Вып. 1. — XIV с., 576 стб.

40. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. — СПб. : В тип. Имп. акад. наук, 1847. — Т. 1. — XXII, 415, [3] с.
41. Сухов В. А. «Бывают такие встречи, которые помнишь всегда». Борис Сорокин о студенте Сергее Есенине // О Русь, взмахни крылами : Междунар. лит. премия им. С. Есенина. — URL : <https://eseninsergey.ru/news/byvajut-takie-vstrechi-kotorye-pomnish-vsegda> (дата обращения: 10.05.2023).
42. Толстой А. Н. Сорочьи сказки. — СПб. : Общественная польза, 1910. — 119 с.
43. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. — 857 с.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1. — 576 с.
45. Честняков Е. В. Поэзия / сост., вступ. ст. Р. Е. Обухова. — М. : Компьютерный аудит, 1999. — 336 с.
46. Шумаков С. Бобыль // Энциклопедический словарь. — М. : Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», 1911. — Т. 6. — Стб. 89.
47. Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб. : Типолитограф. И. А. Ефрона, 1890–1907. — Т. VI. — 1891. — С. 138–139, 139 ; Т. XXXIV. — 1902. — С. 377–379.
48. Юзефович (Радионова) Л. М. «Бобыль и Дружок» С. Есенина — «грустная сказка» о жизни и «чудная сказка» о дружбе : план-конспект урока по лит. (7 кл.) // Образовательная социальная сеть. — URL : <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenarij-uroka-issledovaniya-iz-serii-uroki-dobroty-bobyl-i> (дата обращения: 10.05.2023).

References

1. Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye skazki: v 8 vyp.* [Russian folk tales: in 8 parts]. Moscow, K. Soldatenkov Publ., 1861, part VI, 368 p. (In Russian).
2. Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye skazki: v 3 t.* [Russian folk tales: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957, vol. 1, 516 p.; vol. 2, 511 p.; vol. 3, 572 p. (In Russian).
3. Bayburin A. V. Ryazan toponymic dictionary (names of Ryazan villages). *Ryazanskiy etnograficheskij vestnik* [Ryazan ethnographic bulletin]. 2004, iss. 32, 546 p. (In Russian).
4. *Bolshaya entsiklopediya: slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znaniya* [Great Encyclopedia: dictionary of publicly available information on all branches of knowledge]. Ed. by S. N. Yuzhakov. St. Petersburg, Prosveshcheniye Publ., 1901–[1909], vol. 3, pp. 353–354, 354–356, 356. (In Russian).
5. Buslaev F. I. *Istoricheskiye ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical essays on Russian folk literature and art]. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., Obshchestvennaya polza Publ., 1861, vol. 1, 643 p. (In Russian).
6. Dal V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, University Publ., 1862, XL p., 1095 p., 6 p. (In Russian).
7. Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Izdatelstvo Obshchestva lyubiteley rossiyskoy slovesnosti Publ., 1863, 1863, vol. 1, 623 p. (In Russian).
8. Dobrolyubov Ioann, priest. *Istoriko-statisticheskoye opisaniye tserkvey i monastyrey Ryazanskoy yeparkhii, nyne sushchestvuyushchikh i uprazdnennykh, so spiskami iz nastoyateley za XVI, XVII i XIX st. i bibliograficheskimi ukazaniyami: v 4 t.* [Historical and statistical description of churches and monasteries of the Ryazan diocese, currently existing and abolished, with lists of hegumens in the 16th, 17th and 19th centuries and bibliographical instructions: in 4 vols.]. Zaraysk, A. N. Titov Publ., 1884–1891, vol. 1, 1884, 363, V p. (In Russian).
9. Dyachenko G. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar* [Complete dictionary of Church Slavonic]. Moscow, Vilde Publ., 1900, 1120 p. (In Russian).
10. Yesenin S. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2001. (In Russian).
11. Yesenina A. A. The native and close things. *S. A. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Ed. by A. A. Kozlovsky. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 1, pp. 55–125. (In Russian).
12. Zhutaev A. P. Memorable meetings (From the memoirs of Kurkov Stepan Andreevich, the village of Akhmylovo, Rybnovsky District). *Konstantinovskiy vstrechi: Vospominaniya, dnevnik khudozhnika, rassказы, skazki* [Konstantinovo meetings: Memories, the artist's diary, stories, fairy tales]. A. P. Zhutaev. Rybnoye, Rybnoye Publ., 2008, pp. 31–33. (In Russian).
13. Kalachov N. V. Notes (statistical and archaeological) about Insar and Insar District. *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii, izdavayemyy Nik. Kalachovym* [Archive of historical and legal information relating to Russia, published by Nikolay Kalachov]. Moscow, A. Semen Publ., 1855, bk. 2, part 1, section I, pp. 35–96. (In Russian).

14. Kalmykov P. D. A brief overview of the gradual formation of classes of rural inhabitants in Russia. *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya do Rossii, izdavayemyy Nikolayem Kalachovym* [Archive of historical and practical information relating to Russia, published by Nikolay Kalachov]. St. Petersburg, 1862, bk. 3, pp. 125–151. (In Russian).
15. Kostomarov N. I. *Ocherk domashney zhizni i nrayov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay on the home life and customs of the Russian people in the 16th and 17th centuries]. St. Petersburg, Karl Wulf Publ., 1860, 215 p. (In Russian).
16. Kotoshikhin G. K. *O Rossii v tsarstvovaniye Aleksiya Mikhaylovicha* [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg, Archaeographicheskaya komissiya Publ., 1884, 260 p. (In Russian).
17. *Letopis zhizni i tvorchestva S. A. Yesenina: v 5 t.* [Chronicle of S. A. Yesenin's life and work: in 5 vols.]. Ed. by Yu. L. Prokushev. Moscow, IMLI RAS Publ., 2003, vol. 1, 746 p. (In Russian).
18. Logacheva E. V. Folklore traditions and “fairytale” syntax of S. A. Yesenin's story “Bobył and Druzhok”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. “Russkaya filologiya”* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series “Russian Philology”]. 2017, iss. 4, pp. 26–33. (In Russian).
19. Maximov S. V. *Brodyachaya Rus Khrista radi* [Wanderers' Rus, for Christ's sake]. St. Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1877, 467 p. (In Russian).
20. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami Generalnogo shtaba. Ryazanskaya guberniya* [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Ryazan Province]. Comp. by M. Baranovich. St. Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1860, III, IV, 553 p. (In Russian).
21. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam I. I. Sreznevskogo* [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on I. I. Sreznevsky's written monuments]. St. Petersburg, Otdeleniye rossiyskoy slovesnosti of IAS Publ., 1893, vol. 1, IX, 1420 clms, 49 p. (In Russian).
22. Nezelenov A. I. *Istoriya russkoy slovesnosti dlya srednikh uchebnykh zavedeniy* [History of Russian literature for secondary educational institutions]. Moscow, Dumnov, Klochkov, Lukovnikov and Co. Publ, part 1: From ancient times to Karamzin, VIII, 237 p. (In Russian).
23. Nikitin I. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 1 t.* [Complete works: in 1 vol.]. Ed. by M. O. Gershenzon. Moscow, A. S. Panafidin Publ., 1912, VI p., 448, IX p. (In Russian).
24. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, LLC “A Temp” Publ., 2006, 944 p. (In Russian).
25. Ostrogorsky M. *Uchebnik russkoy istorii s risunkami, kartami, tablitsami: elementarnyy kurs: dlya srednikh uchebnykh zavedeniy i gorodskikh uchilishch* [Textbook of Russian history with drawings, maps, tables: elementary course for secondary school students and town schools]. St. Petersburg, Trepke and Fusno Publ., 1913, 167 p. (In Russian).
26. P. V. Kireevsky. Publ. by P. D. Pukhov; preface by A. D. Soymonov; comment. by N. P. Kolpakova. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 79: Songs collected by writers. New materials from the archive of P. V. Kireevsky, pp. 599–638. (In Russian).
27. Panfilov A. D. *Konstantinovskiy meridian: v 2 ch.* [Konstantinovo meridian: in 2 parts]. Moscow, Encyclopedia of Russian villages Publ., 1992, part 1, 297 p. (In Russian).
28. *Pesni, sobrannyye P. N. Rybnikovym: v 3 t.* [Songs collected by P. N. Rybnikov: in 3 vols.]. Ed. by A. E. Gruzinsky. Moscow, Sotrudnik shkol Publ., 1909, vol. 1, 512 p. (In Russian).
29. Prokushev Yu. L. *Yunost Yesenina* [Yesenin's youth]. Moscow, Moskovskiy pisatel Publ., 1963, 192 p. (In Russian).
30. Pryzhov I. G. *Zhitiye Ivana Yakovlevicha, izvestnogo proroka v Moskve* [Life of Ivan Yakovlevich, the famous prophet of Moscow]. St. Petersburg, N. Tiblen and Co. Publ., 1860, 52 p. (In Russian).
31. Pryzhov I. G. *Nishchiye na Svyatoy Rusi: materialy dlya istorii obshchestvennogo i narodnogo byta v Rossii* [Beggars in Holy Rus': materials for history of society and everyday life in Russia]. Moscow, M. I. Smirnov Publ., 1862, 139 p. (In Russian).
32. Remizov A. M. *Nikoliny pritchi* [Nikola's parables]. Petrograd, Border Guard Department Publ., 1917, 127 p. (In Russian).
33. Saltykov (Shchedrin) M. Ye. *Melochi zhizni* [Little things in life]. St. Petersburg, M. Stasyulevich Publ., 1887, part 1, 217 p.; part 2, 245 p. (In Russian).
34. Saltykov-Shchedrin M. Ye. *Sobraniye sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 16, bk. 2: Little things in life. 1886–1887, 390 p. (In Russian).
35. Samodelova E. A. Primary sources of “Magpie Tales” by A. N. Tolstoy. *Aleksey Tolstoy: Dialogi so vremenem* [Aleksey Tolstoy: Dialogues with Time]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 26–42. (In Russian).
36. Samodelova E. A. Traditional Ryazan wedding (Pre-wedding rituals and the sacrament of wedding). Part 1. *Ryazanskij etnograficheskiy vestnik* [Ryazan ethnographic bulletin]. 2015, iss. 56, vol. 1, 259 p. (In Russian).
37. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, iss. 3, 360 s. (In Russian).

38. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975, iss. 1, 372 p. (In Russian).

39. *Slovar russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniyem Imperatorskoy akademii nauk: v 5 t.* [Dictionary of the Russian language, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences: in 5 vols]. Ed. acad. J. K. Grot. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1891, vol. 1, iss. 1, XIV p., 576 clms. (In Russian).

40. *Slovar tserkovnoslavnyanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym Otdeleniyem Imperatorskoy akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1847, vol. 1, XXII, 415, [3] p. (In Russian).

41. Sukhov V. A. “There happen such meetings that you always remember.” Boris Sorokin about student Sergei Yesenin. *O Rus', vmakhni krylami: Mezhdunarodnaya literaturnaya premiya imeni S. Yesenina* [O Rus', take the wing: International literary contest named after S. Yesenin]. Available at: <https://eseninsergey.ru/news/byvajut-takie-vstrechi-kotorye-pomnish-vsegda> (accessed: 10.05.2023). (In Russian).

42. Tolstoy A. N. *Sorochyi skazki* [The Magpie's Tales]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1910, 119 p. (In Russian).

43. Tupikov N. M. *Slovar drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian personal names]. St. Petersburg, I. N. Skorokhodov Publ., 1903, 857 p. (In Russian).

44. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 1, 576 p. (In Russian).

45. Chestnyakov E. V. *Poeziya* [Poetry]. Comp., preface by R. Ye. Obukhov. Moscow, Kompyuterny audit Publ., 1999, 336 p. (In Russian).

46. Shumakov S. Bobyl. *Entsiklopedicheskij slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Association “Brothers A. and I. Granat and Co.”, 1911, vol. 6, clm. 89. (In Russian).

47. *Entsiklopedicheskij slovar: v 86 t.* [Encyclopedic Dictionary: in 86 vols.]. Ed. by F. A. Brockhaus, I. A. Efron. St. Petersburg, I. A. Efron Tipolitografiya Publ., 1890–1907, vol. VI, 1891, pp. 138–139, 139; vol. XXXIV, 1902, pp. 377–379. (In Russian).

48. Yuzefovich (Radionova) L. M. “Bobyl and Druzhok” by S. Yesenin — a “sad tale” about life and a “wonderful tale” about friendship: lesson plan in literature (7th grade). *Obrazovatel'naya sotsial'naya set* [Educational social network]. Available at: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka-issledovaniya-iz-serii-uroki-dobroty-bobyl-i> (accessed: 10.05.2023). (In Russian).

Информация об авторе

Самоделова Елена Александровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Сфера научных интересов: русский фольклор, русская литература первой половины XX века, текстология фольклора и русской литературы XX века, полевая фольклористика.

Information about the author

Samodelova Elena Alexandrovna — doctor of philology, senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: Russian folklore, Russian literature of the first half of the 20th century, textual criticism of folklore and Russian literature of the 20th century, field study of folklore.

Статья поступила в редакцию 30.09.2023; принята к публикации 12.01.2024.

The article was submitted 30.09.2023; accepted for publication 12.01.2024.